VISIT…

LANZAROTE

Caliente.COM

ЧРЕЗВЫЧАЙНО СОМНИТЕЛЬНАЯ ДОГМА

Джеймс Ньенгуйс

Идеи, подобные дарвинизму, вот уже почти четыре тысячи лет витают в научных и философских кругах самых разных народов и культур. В древнеегипетском папирусе «Книга о рождении Ра и свержении Апепи», где изображена картина зарождения жизни на Земле, показано, что все формы жизни появились из первичного водного хаоса. Древний вавилонский эпос «Энума Элиш» описывает процесс происхождения всего живого также из воды. Эти идеи из древних рукописей явно напоминают теорию Дарвина, которая утверждает, что все мы развились из одной молекулы. В данной статье мы приведем убедительные доказательства того, что эта теория ошибочна, и противопоставим ей логичную альтернативную теорию.

***

Древнегреческие философы-эпикурейцы были эволюционистами и атеистами, а философы-стоики – пантеистами, верившими, что все сущее есть Бог, и, следовательно, все развивается как «частицы Бога». Аристотель верил в самопроизвольное превращение неживой материи в живую (молекулы в человека). Подобно Сократу и Платону, он полагал, что вселенная вечна, поэтому у нее не было никакого начала и, соответственно, не было и Создателя. Очевидно, что греки позаимствовали эти идеи из египетских и вавилонских эволюционных теорий, которые, пройдя через века, отразились в трудах древнегреческого философа и историка Гесиода – а именно, в его «Теогонии» (VIII век до Р.Х.).

В V веке до Р.Х. Платон предложил способ систематизации форм жизни, своего рода биологическую классификацию, известную как платоновская цепочка бытия. Эта система классифицировала живые существа по относительным уровням сложности: простейшие организмы рассматривались как низшие звенья цепочки, а европейские народы располагались в самом верху, на одно звено выше неевропейских народов (вот вам наглядный пример древней версии научно мотивированного расизма!). Эта классификация форм жизни применялась как базовая в систематизации флоры и фауны на протяжении последующих 2200 лет.

А затем на научном небосклоне появляется Чарльз Дарвин со своей не слишком оригинальной идеей о том, что все многообразие и сложность биологических структур произошли из первичного водного хаоса по причинам, которые невозможно ни пронаблюдать, ни опровергнуть. Таков уж удел дарвинистов: они утверждают, что излагают истину, но не могут предоставить ни одного разумного доказательства в подтверждение своих идей. Согласно теории Дарвина, случайные мутации до такой степени изменили генетические коды живых организмов, что рыбы превратились в ящериц, а ящерицы – в птиц… Вы можете представить себе, как тысячи поколений ящериц подвергались мутационным изменениям, в результате чего их передние лапки стали постепенно превращаться в крылья? А если верить дарвинистам, еще тысячам поколений ящериц приходилось неуклюже шлепать по земле, дожидаясь, пока эти «недоразвитые» крылья под действием мутаций окончательно превратятся в настоящие. И каким образом случайные изменения, происходящие только в зародышевых клетках (клетках, отвечающих за размножение), привели к столь разительным и прогрессивным видоизменениям передних конечностей и превращению их в «эволюционно продвинутые» крылья?

Гены клеток, отвечающих за размножение, могут лишь перестраиваться или повреждаться под влиянием окружающей среды – например, радиоактивного или химического загрязнения либо изменения

магнитного поля Земли. Поэтому маловероятно, чтобы последовательные мутации привели к якобы целенаправленным морфологическим изменениям, столь необходимым дарвинистам для объяснения развития новых, высших форм жизни.

***

Дарвиновская теория эволюции стала восприниматься в наши дни как своего рода «непреложный закон»; и хотя миллионы людей во всем мире полагают, что эта теория «с душком», дарвинисты скажут вам, что все прочие объяснения происхождения жизни на Земле не заслуживают внимания ученых. Все, кто с ними не согласен, скажут приверженцы Дарвина, вообще не верят ни в какую эволюцию, а значит, враги дарвинизма – это невежественная деревенщина, на которую не стоит обращать внимания. Но данная логика порочна. Ведь ученые-креационисты признают эволюционную роль естественного отбора (то есть генетическую изменчивость внутри родов животных); поэтому утверждать, что креационисты вообще не верят в эволюцию, – значит сознательно искажать истину. Мы верим, что генофонд видоизменялся (подвергался естественном отбору) из-за перемещения родов животных (в виде изолированных групп, особи в которых скрещиваются между собой) в новые экологические ниши; но мы не верим в видообразование в дарвинистском смысле этого слова.

Намеренное расширение смысла термина «эволюция» имело целью вытеснить теории, отличные от дарвинизма, на обочину науки. На самом же деле, креационисты верят в эволюцию как таковую, но не в эволюцию в дарвиновским понимании, предполагающую якобы целенаправленные (но с биологической точки зрения невозможные) морфологические изменения. Да, животные действительно подвергаются определенным изменениям. Например, существует огромное количество собак (от чи-хуа-хуа до волка, от динго до французского пуделя), и тот факт, что все они способны скрещиваться между собой и давать потомство, доказывает: они, несомненно, произошли от общих предков. Таким образом, так называемые *виды* в природе являются лишь разновидностями одного и того же рода животных – подобно различным разновидностям собак.

Можно привести в пример и кошек. Знаете ли вы, что львы способны скрещиваться с тиграми и леопардами и воспроизводить потомство («тигрольвов» и «львопардов»)? Эта способность к скрещиванию указывает на то, что у этих животных были общие предки, а наблюдаемые эволюционные изменения (отнюдь не дарвинистского толка!) – это проявления генетической изменчивости, которая возникает, когда группа животных одного рода переселяется в новую экологическую нишу, где она размножается в изоляции от других представителей этого же рода.

Получается, что животные могут скрещиваться не только на уровне вида (в терминологии филогенетического дерева), но также и на уровне рода (черепахи) и даже семейства (птицы). Таким образом, представление о том, что термин «вид» является биологическим «демаркационным знаком» между разными категориями животных, попросту смехотворно. В основе дарвиновского эволюционного древа лежит идея видов, но в данном случае этот термин теряет свой смысл, потому что некоторые животные действительно скрещивались на уровне «родов» и «семейств». «Эволюция видов» на самом деле – просто генетические изменения, которые стали неизбежными в результате переселения животных в новые экологические ниши, в условия размножения в изоляции.

Наследственные признаки, открытые Менделем, передаются внутри генофонда одного рода животных (например, кошек), но они не могут передаваться генофонду других родов. Эти признаки не передаются от кошек собакам, но в пределах соответствующих *сингамеонов* (групп скрещивающихся видов) они хорошо наследуются. Нравится это приверженцам Дарвина или нет, их термин «естественный отбор» применим лишь к генетической изменчивости в пределах сингамеонов, а не к фантастическому

перевоплощению ящериц в птиц и не к той идее, что кошки и собаки произошли от некоего общего предка.

Мутации действительно играют определенную роль в естественном отборе (в пределах сингамеонов): они повреждают или по-иному перестраивают генетический материал; но они никогда не создают нового генетического материала. Мутации печально известны своим разрушительным эффектом; единственное, что «спасает их репутацию», – это способность «перетасовывать» генетический материал в живом организме, порой приводящая к восстановлению или активации некоторых наследственных признаков в генофонде сингамеона; следствием подобной мутации может стать, например, появление на лапах у белых медведей перепонок, помогающих им плавать. Да, эта мутация благоприятна для белого медведя; но кому придет в голову утверждать, что это – первый шаг к его превращению в рыбу?!

То же самое можно сказать и о мутациях, которые привели к уменьшению размеров крыльев у жуков из южной части Тихого океана. Жуков с укороченными крыльями меньше уносило ветром в океан, то есть их выживаемость возросла, а с ней выросла и репродуктивная численность. Это пример простого естественного отбора – а не естественного отбора в дарвиновском смысле, согласно которому первичная молекула якобы превратилась в простейший одноклеточный организм, который свою очередь, преобразился в рыбу, далее – в динозавра, буйвола, обезьяну и, наконец, в человека.

***

Дарвин утверждал: что после изучения изменений клюва у вьюрков, обитающих в южной части Тихого океана, он убедился, что ящерицы эволюционировали в птиц и что летопись окаменелостей содержит подтверждения его гипотезы о превращении разных живых существ друг в друга на протяжении миллионов лет. Дарвин при этом признавал, что если в летописи окаменелостей такие подтверждения не найдутся, то теория эволюции будет опровергнута. И это действительно произошло: ископаемые свидетельства дискредитировали его теорию.

Окаменелости – это погребенные в осадочных слоях ископаемые организмы. Летопись их гибели зафиксирована в осадочных породах геологической колонны. В поисках предполагаемого «недостающего звена» (переходной формы) были проанализированы миллионы окаменелостей, но так ничего и не было найдено. Это показывает, что теория Дарвина – колосс на глиняных ногах. В ископаемых свидетельствах рыба всегда остается рыбой, птица – птицей, обезьяна–обезьяной, а человек человеком. Отсутствие переходных форм в окаменелостях вынудило приверженцев теории Дарвина выдвинуть гипотезу стремительного видообразования, слишком быстрого, чтобы оставить след в летописи окаменелостей. Речь идет о теории «прерывистого равновесия». Насколько она убедительна?

Очевидно, что «прерывистое равновесие» должно было иметь место во времена так называемого «кембрийского взрыва»: глубоко залегающие слои содержат окаменелости простейших одноклеточных и многоклеточных морских организмов, которые предположительно были погребены и окаменели миллионы лет тому назад, когда первичная молекула только начала свое якобы превращение в живое существо. В связи с этим дарвинистам предстоит объяснить, каким чудесным образом неорганическая материя трансформировалась в органическую. Для ответа на этот вопрос приверженцу теории Дарвина и понадобится гипотеза прерывистого равновесия. Видите ли, скажет он, действительно нет никаких ископаемых свидетельств превращения одноклеточного организма в многоклеточный, но это ведь произошло так стремительно!

Вы не успели и глазом моргнуть, и вот вам уже готовые волшебные преобразования: лапы стали крыльями, жабры – легкими, чешуя превратилась в перья, холоднокровные стали теплокровными, – все произошло синхронно и как будто по чьему-то замыслу. Вернемся опять к полуящерице-полуптице. Итак, она шлепала по планете на протяжении тысячелетий, ожидая того момента, когда же, наконец, полукрылья-полулапы позволят ей ото-

рваться от земли и взлететь. Но позвольте, а где же пресловутое прерывистое равновесие? На это дарвинист может ответить, что раз в летописи окаменелостей не найдено переходной формы между ящерицей и птицей, значит, прерывистое равновесие действительно имело место. А может быть, он, напротив, объяснит отсутствие промежуточной формы слишком медленным, на протяжении тысяч поколений, превращением ящерицы в птицу. Так что у дарвинистов всегда наготове два благовидных ответа – один удивительнее другого.

***

Признаки представителей одного сингамеона сильно варьируют. Например, объем мозга современного человека составляет от 700 до 1400 кубических сантиметров. Таким образом, неандерталец и *Homo erectus* оказываются на одной ступеньке с современным человеком, потому что объем их мозга составлял приблизительно 1400 кубических сантиметров. Это же касается и кроманьонца: он будет стоять на той же ступени, хотя и на другом ее конце. Следовательно, у этого нашего «близкого родственника» столько же общего с нами, сколько у якобы «более примитивных» неандертальца и *Homo erectus*, которые тоже жили в ледниковый период.

В Непале наблюдаются дальние родственники мамонтов – слоны с шерстью на голове. Очевидно, это потомки тех мамонтов, которые предположительно вымерли в самом конце ледникового периода. Потомки эти выжили благодаря миграциям и генетической изменчивости в пределах слоновьего сингамеона. Точно так же современный человек является потомком неандертальца, кроманьонца, *Homo erectus* и *Homo sapiens*, поскольку все они, скорее всего, могли скрещиваться между собой, и, следовательно, являются просто примерами генетической изменчивости в пределах человеческого сингамеона.

«Недостающим звеном» перед *Homo erectus* был, по предположениям дарвинистов, австралопитек, который фактически является человекоообразной обезьяной и которого по сей день можно встретить в дальних уголках нашей планеты. А «недостающее звено» перед австралопитеком остается неизвестным (тут-то и пригодилась бы теория прерывистого равновесия), поскольку приверженцы теории Дарвина не хотят объединять обезьяну и человека – за неимением промежуточных звеньев между ними. Вместо этого они выдвигают гипотезу, что обезьяны и люди произошли от общего предка – предположительно от существа наподобие землеройки. Разумеется, это никак не подтверждается ископаемыми свидетельствами, и нет никаких переходных форм от землеройки к человеку, включая предполагаемое превращение австралопитека (обезьяны) в *Homo erectus* (человека) и далее в кроманьонца (человека).

Неандертальца же дарвинисты даже не рассматривают в качестве прямого предка современного человека, потому что не могут не признавать, что неандерталец применял орудия труда, мыслил и творил, чему есть многочисленные доказательства. *Homo erectus* мало чем отличается от неандертальца, и дарвинистам, чтобы быть последовательным до конца, пришлось бы исключить из числа прямых предков человека и *Homo erectus*. Тогда в качестве доказательств «превращения» землеройки в человека на протяжении миллионов лет выступала бы только определённая анатомическая схожесть кроманьонца (по сути, современного человека) и австралопитека (обыкновенной обезьяны).

И это дарвинисты называют настоящей наукой, а всех, кто не согласен с ними, величают невежественными профанами, которым следует держать свое мнение при себе! Однако повсеместное отсутствие переходных форм в летописи окаменелостей является неоспоримым фактом, и дарвинисты остается лишь фанатично верить, что на протяжении миллионов лет мутации превратили молекулу в человека (в конце концов, теория прерывистого равновесия всегда под рукой!) – методом проб и ошибок, в джунглях, где выживает только наиболее приспособленный.

Так называемое выживание наиболее приспособленных – по сути, следствие определенных признаков генофонда представителей конкретного сингамеона, позволивших им лучше выживать в новых

экологических нишах. Например, светлокожие люди (с низким содержанием меланина в клетках кожи) более приспособлены для проживания в самых северных широтах Земли, в то время как темнокожие люди (с высоким содержанием меланина) более приспособлены для жизни в экваториальных широтах. Таким образом, человеческие расы – не что иное, как проявление генетической изменчивости в пределах человеческого сингамеона, а вовсе не результат дарвиновской эволюции.

***

Очень трудно точно определить, где проходят границы между сингамеонами, потому что вариации генетических признаков (иногда из-за мутаций) могут быть очень велики и касаться размеров, темпераментов, а также способности к скрещиванию между представителями разных сингамеонов. Например, у лис с собаками эта способность давно снизилась, после того, как внутри собачьего сингамеона накопилось достаточно много генетических изменений.

Так называемое «видообразование» произошло на протяжении очень небольшого числа поколений, считая от родоначальников сингамеонов. Таким образом, мы приходим к «неортодоксальному» взгляду на биологическую историю. Похоже, что все так называемые «виды» животных, образовавшиеся в результате естественного отбора (а не морфологических изменений), произошли от гораздо меньшего числа количества прародителей соответствующих сингамеонов. Это подтверждается фактами из древней истории, и в своих последующих статьях я намерен остановиться на этом более подробно.

Прародители собачьего сингамеона имели полный набор генетических признаков дворняжки и разнообразные комбинации генов, ответственные за все те многочисленные характеристики, которые мы наблюдаем сегодня у их потомков. Щенки дворняжки будут отличаться друг от друга внешними признаками, но чистокровное потомство всегда выводят от той собаки, которая больше всего похожа на родителей. Иначе говоря, разнообразие внешних признаков у потомства дворняжек – это миниатюрная иллюстрация того, что происходило с сингамеонами на протяжении многих поколений, от прародителей – до современных особей.

Потомство изначальных членов сингамеона (равно как и современных дворняжек) рождалось как с благоприятными для выживания в данной среде признаками, так и с неблагоприятными. Потомство с более благоприятным генетическим набором выживало в данной среде обитания, остальные погибали. В этом и заключается процесс так называемого видообразования в пределах сингамеона. Это – генетическая изменчивость и естественный отбор, а вовсе не дарвиновская эволюция.

***

Однако приверженцы теории Дарвина, ученые и педагоги, пытаются обойти эту проблему стороной, заявляя, что креационисты не признают эволюцию как таковую. На самом же деле, как уже было отмечено, сторонники креационной теории признают эволюцию как результат действия естественного отбора в пределах сингамеона. Мы не верим в дарвиновскую теорию эволюции, которая утверждает, что мутации привели к образованию новых родов животных. Поэтому суть проблемы – именно теория Дарвина, а не вера или неверие креационистов в эволюцию, поскольку мы видим разумный смысл в естественном отборе и генетической изменчивости в пределах сингамеона – но не между разными сингамеонами. Поэтому мы готовы называть этот эволюцией, но только без прилагательного «дарвиновская».

Устоявшееся в официальной науке мнение, что креационисты не признают эволюцию как таковую, послужило орудием для пресечения преподавания в школах альтернативных идей по данному вопросу. Чтобы сторонников этих идей, альтернативных дарвиновской, воспринимали всерьез, необходимо донести до общественности, что в действительности мы признаем эволюцию – только не в дарвинистском смысле слова. Ведь дарвиновская теории эволюции проповедует, что некие невероятные биологические изменения превратили неорганическую материю в

живые организмы, насекомых – в рыб, ящериц – в птиц, а землероек – в людей. И это заставляет нас высказывать решительное несогласие!

В системе среднего образования штата Джорджия недавно обсуждался вопрос о целесообразности внесения дополнений в учебную программу по теории эволюции. Высказывалось следующее мнение: поскольку это всего лишь одна из теорий, а не достоверный факт, ученики должны ознакомиться со всеми ее аспектами, в том числе и с ее многочисленными недостатками. Казалось бы, всё правильно; однако необходимо одно уточнение: справедливо было бы говорить в этом контексте о «дарвиновской теории эволюции», а не об эволюции вообще, поскольку эволюция (естественный отбор в пределах сингамеона) – это бесспорный биологический факт. Выстраивая дискуссии вокруг обобщающего термина «эво-люция» (вместо более узкого «дарвиновская эволюция»), дарвинисты выставляют своих оппонентов – сторонников альтернативных моделей биологического происхождения жизни на Земле – невеждами; и поскольку, продолжают они, именно эволюция служит единственным закономерным ответом на все вопросы о началах жизни, обо всех альтернативных моделях следует попросту забыть.

Вы не находите, что в этой логике скрывается порочный круг? Это просто жонглирование словами; и противникам преподавания нашим детям в школах дарвиновской эволюции в качестве доказанной теории, необходимо это понимать. Нам следует определиться в терминологии, поскольку эволюция как таковая резко отличается от воображаемой эволюции по Дарвину. Различие между этими теориями следует всячески подчеркивать, чтобы более эффективно сравнивать положения дарвиновской теории эволюции – и теории эволюции как таковой (естественного отбора в пределах сингамеона). Обобщённый термин «эволюция» не следует рассматривать как синоним термина «дарвиновская эволюция». И до тех пор, пока все не осознают это различие, в наших системах образования по-прежнему будет доминировать монолит дарвиновской теории.

***

Дарвинисты часто утверждают, что если позволить преподавать в школах альтернативные теории зарождения жизни на Земле, то у учащихся может притупиться логическое мышление. На самом же деле ознакомление с аргументами, частично представленными в этой статье, заставило бы учеников задуматься над родством животных в пределах сингамеона, и они смогли бы получить более глубокое представление о потенциальной гибридизации между так называемыми видами. Изучение этой модели подвигло бы учащихся на исследование границ между сингамеонами, и это был бы для них пример настоящего научного исследования.

Я почти год вел переписку с представителями рубрики «Происхождение человека» в газете *New York Times*, обсуждая вопросы антропологии, геологии, дарвиновской теории эволюции (в том числе реальной точки зрения креационистов на эту тему) и происхождения человека. Мои не слишком любезные корреспонденты – в основном представители либерального дарвинизма – методично настаивали, что введение альтернативных теорий в школьные программы собьет студентов с истинно научного пути, отучит их мыслить логически, и в итоге наши будущие лидеры лишатся способности выдвигать новые идеи для научного прогресса, который тесно связан, по мнению моих оппонентов, с теорий Дарвина. Можно подумать, что плодотворные занятия химией, геологией, астрономией, медициной и инженерными науками каким-то образом связаны с магической дарвинистской матрицей…

Я неоднократно просил своих высокоинтеллектуальных оппонентов привести примеры крупных научных достижений, которые смогли бы поддержать имидж дарвинизма как истинной науки. После длительных раздумий они выдвинули в защиту своих позиций два неимоверно слабых примера: решение проблемы движения транспортного потока и усовершенствование формы крыла самолета. И это лучшие примеры применения дарвинистской матрицы, которые призваны заткнуть за пояс все остальные научные новшества! Как видите, дарвинизм не

оказывает существенного влияния на полет мысли, без которого невозможны научные открытия. А боязнь того, что ознакомление в школах с недарвинистскими моделями зарождения жизни уничтожит потенциал к научным изобретениям, явно абсурдна.

***

Одновременно с этим, дарвинисты настаивают, что «эволюция» воображаемой прото-землеройки (минуя обезьян) в членов человеческого сингамеона должна приниматься на веру на том лишь основании, что приверженцы Дарвина выступают «за», а креационисты «против» и, следовательно, вообще не могут иметь права голоса. Однако главные ископаемые артефакты, призванные подтвердить происхождение человечества из воображаемых существ, подобных землеройке, неизбежно подпадают под одну из трех категорий: они либо полностью человеческие, либо полностью обезьяньи, либо полностью мошеннические.

Так, один из классических примеров (кстати, побивший все рекорды по частоте, с какой дарвинисты выдвигали его как основное «доказательство» эволюции человека) – так называемый «пилтдаунский человек». На самом деле, это подделка, ныне уже разоблачённая: человеческий череп, соединенный с челюстью обезьяны. Тем не менее, гипсовые слепки этого «доказательства» по-прежнему хранятся в ведущих мировых научных центрах. Еще одно якобы «недостающее звено» – «человек из Небраски» – оказалось всего-навсего… зубом дикой свиньи; остальное достроило пылкое творческое воображение дарвинистов. Да-да, это правда! Приняв свиной зуб за человеческий, дарвинисты решили, что наконец-то обнаружили пресловутое недостающее звено. Вот как низко можно пасть, тщетно доказывая правоту своей догмы!

Печально известное «недостающее звено» по имени Люси, открытое Луисом Лики, оказалось обыкновенной обезьяной (наподобие шимпанзе). И все прочие якобы «недостающие звенья», на которые ссылались дарвинисты, оказывались либо обычными обезьянами, либо обычными людьми, либо обыкновенным мошенничеством. Пожалуйста, запомните: люди и обезьяны принадлежат к разным сингамеонам, поэтому абсолютно понятно, почему нет (и не может быть) никаких ископаемых свидетельств, подтверждающих генетическую связь между ними.

Более того, всё выглядит так, словно генетические вариации в пределах человеческого сингамеона происходили за удивительно короткий промежуток времени. Исследования изменений Y-хромосомы у мужской половины человечества показали, что возраст самых древних праотцов современных мужчин исчисляется всего лишь тысячами лет. При этом на протяжении истории скорость изменений Y-хромосомы могла быть выше расчетной, поэтому возможно, что наш прародитель жил лишь несколько тысяч лет назад. А расчеты изменений митохондриальной ДНК женщин позволяют предположить, что изменение произошло в промежутке от одного до десяти тысяч поколений, с вероятностью 95%; таким образом, нашу праматерь также могут отделять от нас всего несколько тысяч лет назад.

***

Примечателен тот факт, что, судя по летописи окаменелостей, люди всегда были людьми, обезьяны – обезьянами, а землеройки – землеройками. Однако по описанию дарвинистов-догматиков, за сотни миллионов лет до предполагаемых метаморфоз с землеройкой, существовали некие загадочные водные существа, которые якобы трансформировались в лягушек, улиток, змей, ящериц, черепах и других обитателей болот, поскольку жизнь предположительно зародилась в воде. Но окаменелости, которые, согласно официальной науке, сформировались сотни миллионов лет назад, не включают в себя предков этих лягушек, улиток, змей и черепах, которые существенно отличались бы от их современных потомков.

Почему же они не изменились за сотни миллионов лет, и почему нет ископаемых свидетельств хоть каких-то прародителей лягушек, улиток, змей и черепах – впрочем, как и других животных? А потому, что все они не могут выйти за пределы своих сингамеонов и своих генетических

возможностей (лошадь не способна родить телёнка). Генетические границы сингамеонов заслуживают дальнейшего изучения, но и так очевидно, что представители огромного количества так называемых «видов» способны скрещиваться за пределами своего вида и, следовательно, принадлежат к более крупным сингамеонам (так, например, к одному и тому же сингамеону принадлежат ламы, верблюды, альпаки). В летописи окаменелостей рыбы остаются рыбами, птицы – птицами, моллюски – моллюсками, рептилии – рептилиями, поэтому весь этот звон о чудесных метаморфозах – не что иное, как мошенничество.

Пора еще раз повторить ту важную мысль, что на самом деле креационисты *признают* эволюцию, но только не в дарвинистском смысле этого слова. Естественный отбор – это лишь термин для обозначения генетических изменений в пределах сингамеонов, потому что группы животных-предков каждого сингамеона переселились в совершенно иную экологическую нишу, где размножались в изоляции. Так что у теоретиков дарвинизма нет и не может быть монопольного права на термин «эволюция».

На самом деле, метаморфозы, о которых говорят дарвинисты, не имеют ничего общего с наблюдаемым «видообразованием» в пределах сингамеонов. Зато они напрямую связаны с разнообразной абракадаброй наподобие магических превращений и «прерывистого равновесия». Таким образом, поскольку естественный отбор – термин для обозначения генетической изменчивости в пределах сингамеона, и поскольку «прерывистое равновесие» – бесполезный вымысел, то, может быть, употребление термина «естественный отбор» следовало бы зарезервировать для креационистов? Мы признаем эволюцию как таковую, и наука подтверждает естественный отбор в пределах одного сингамеона, – но мы не верим в дарвиновскую теорию эволюции, которая далеко ушла от естественного отбора в царство «прерывистого равновесия» и магических превращений при полном отсутствии доказательств.

Человечество не переходит в новые сингамеоны «на данном этапе своего существования» (осторожно! нас опять готовятся попотчевать «прерывистым равновесием»!..). Но представители разных «рас» свободно скрещиваются между собой, поэтому можно с уверенностью предсказывать возникновение новых комбинаций генов в человеческом сингамеоне; к тому же постоянно обнаруживаются новые генетические связи между «видами» (гибридами). А это – доказательство естественного (или вынужденного) отбора в пределах сингамеонов.

***

Таковы причины, по каким в наших школах следует преподавать альтернативные модели биологической эволюции.

Во имя интеллектуальной честности и подлинной науки широкая общественность в целом (и особенно – школьники и студенты) должна быть знакома с жизнеспособными альтернативами теории Дарвина – потому что с научной точки зрения эта теория попросту смехотворна и потому что альтернативные теории (например, модель, представленная в этой статье) объясняют факты гораздо лучше. А теория Дарвина, как ее ни раздувай, не объясняет ничего; потому-то ей и присвоен нелестный титул «чрезвычайно сомнительной догмы».

By James I. Nienhuis. **Supremely Doubtable Dogma**
Перевод Т. Дзедолик под ред. А. Мусиной
Христианский научно-апологетический центр, 2006. Буклет № 126
95011 Симферополь - 11, "Момент Творения"
www.scienceandapologetics.org
При перепечатке ссылка обязательна